

18+

ИВАНЫЧ

Вячеслав Камедин

Деревенская мелодрама

Вячеслав Камедин

Иваныч

«Издательские решения»

Камедин В.

Иваныч / В. Камедин — «Издательские решения»,

Иваныч — самый сильный человек в посёлке. Девяностодвухкилограммовые гири взмывают в его руках, как пушинки. Брёвна, от одного вида которых у опытных рабочих пробегает мороз по спине, он ворочает один. Он из тех, кто никогда не отказывает в помощи — и люди этим пользуются. Могучий богатырь вдруг начинает угасать. Сердце бьётся неправильно, силы уходят, ночи превращаются в пытку. Что сломало его — болезнь или убеждение? И есть ли кто-то, кто сможет вернуть его к жизни?

© Камедин В.

© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	9
Глава третья	11
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Иваныч

Вячеслав Камедин

моей милой Наташеньке

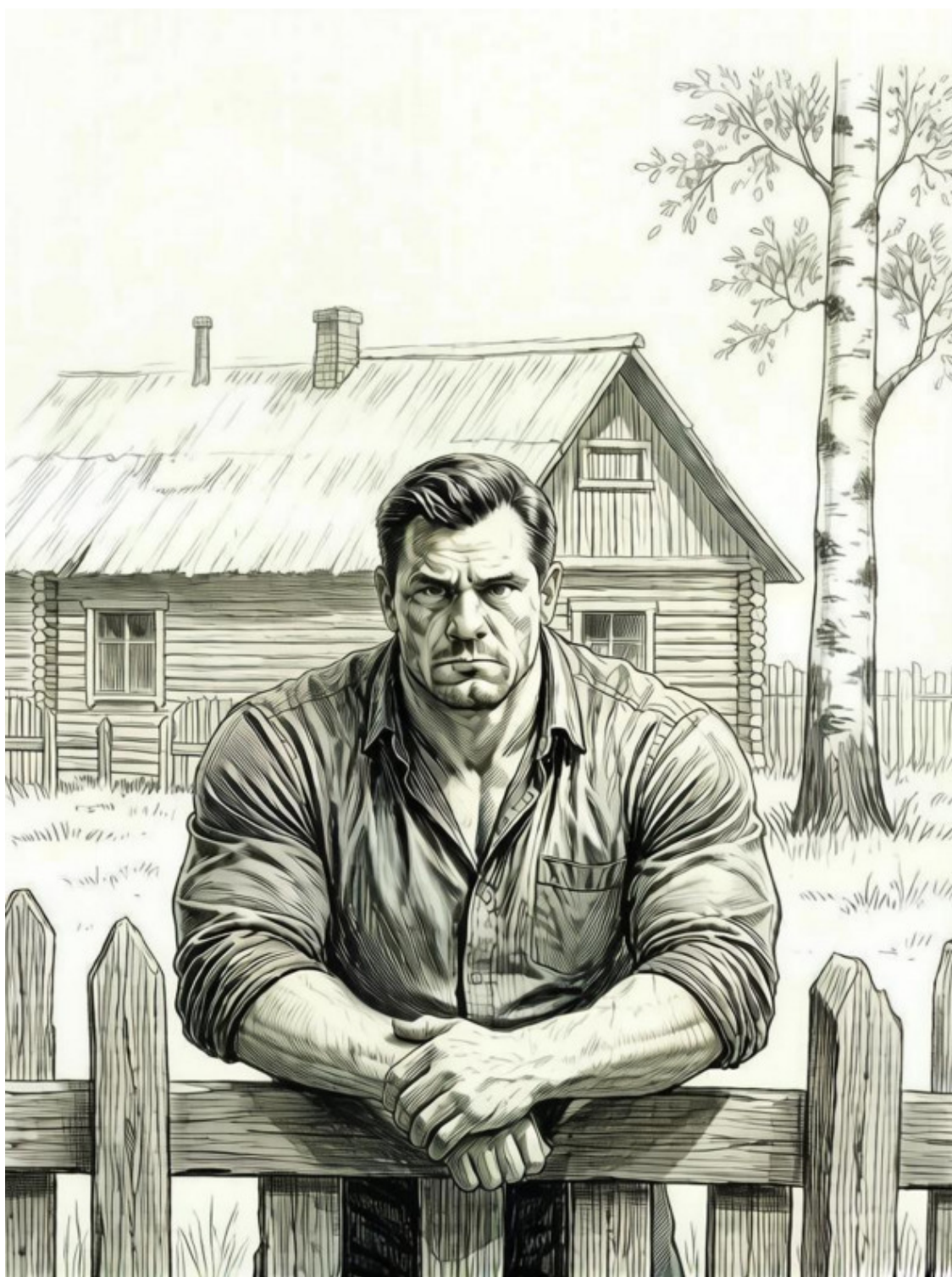
© Вячеслав Камедин, 2026

ISBN 978-5-0071-3288-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Деревенская мелодрама

Глава первая

Иваныч... Именно так, не иначе, с юных лет звали Григория Ивановича Дорогова — за природную силу и мощь, а может, за ту самую мудрость и доброту, что проявились в нём рано и держались крепко, как корни старого дуба. Даже старики обращались к нему по имени-отчеству, и это, конечно, льстило ему, придавая весу в глазах всего посёлка. Он был из тех редких людей, что никогда не скажут «не сейчас» или «потом». Стоило кому-то позвать на помощь —

Иваныч бросал все дела и спешил туда, где он был нужен. И люди этим нередко пользовались, зная его бескорыстность и доверчивость. В его характере всё было предельно ясно, по-мужски чётко: если уж верить людям, то до конца, и никакие намёки и полутона не могли его поколебать. Даже когда сама жизнь будто кричала, что не стоит быть таким открытым, он оставался верен себе.

Июльский полдень плавил пыльную дорогу, и воздух дрожал над землёй, как тонкая вуаль. Иваныч шёл домой после смены, и настроение у него было такое светлое, будто солнце грело не только плечи, но и душу. Сегодня свершилось то, о чём он мечтал последние три месяца, и ему не терпелось обрадовать жену. Денежные проблемы, казалось, вот-вот канут в лету. Они и сейчас не бедствовали, но пилорама, где он работал, была делом ненадёжным: сегодня она шумит пилами, а послезавтра может и затихнуть навсегда. Совсем другое дело — частное лесничество одного из крупных магнатов, скупившего земли на сотни километров вокруг. Там платили щедро, лишь бы человек не ленился. Этой протекции от товарища, устроившегося туда задолго до Иваныча, он ждал целых три месяца. На душе было так просто и светло, что даже пролетавшие мимо машины, взбивавшие пыль клубами, не могли испортить ему настроение.

— Берут, — с порога признался он жене, хотя по дороге специально придумывал, как по крупичкам, намёками выдать эту новость, чтобы растянуть радость.

— Слава тебе, господи, — сказала жена и улыбнулась. Ему так нравилась её улыбка: от неё в груди становилось тепло, а руки будто теряли привычную твёрдость — он начинал путаться в словах и едва не ронял всё, что держал.

— Я сейчас... я ненадолго, — всё ещё не в силах отойти от этой улыбки, заикался Иваныч.

— Опять, что ли, заниматься? — не то с укором, не то с восхищением спросила она.

Он только кивнул.

— И где только силы берёшь, не представляю...

Работа на пилораме и правда была тяжёлой, почти первобытной: ручной труд, где вся «механизация» сводилась к одному распиловочному агрегату. Бревно надо было до него докатить, вкатить на транспортёр, орудуя ломami. Иваныч жалел напарников и часто ворочал тяжёлые брёвна один. Среди них попадались такие экземпляры, что у опытного рабочего от одного их вида по спине пробегала холодная дрожь. Казалось, при такой работе человек должен возвращаться со смены едва живой. Но Иваныч, придя домой, не падал без сил на диван, а шёл в баню.

Баня стояла чуть поодаль от дома, просторная, с высоким потолком. Летом в ней было прохладно, пахло старым деревом и сухой травой, которую когда-то сушили на полках. Внутри — только лавки, ничего лишнего: ни посуды, ни хрупких вещей, которые можно разбить. Для его занятий это было самое подходящее место. В предбаннике Иваныч разделся до трусов, зашёл в парилку и достал из-под лавки две гири, выкрашенные в чёрный цвет. На их пузатых боках красовалась выбитая надпись: «5 кг». Многие друзья, знакомые, товарищи по работе, обманутые этой скромной цифрой, пытались оторвать их от пола, но мало кому удавалось приподнять гири хотя бы на пару дюймов. Лет десять назад вес действительно соответствовал надписи. С тех пор он медленно, день за днём, по несколько граммов, рос — пока внутри не закончилось место для свинцовой дробы.

После короткой разминки Иваныч взялся за дужки, и гири легко взмыли вверх, описав в тёплом воздухе размашистую дугу. Они крутанулись вокруг своей оси и мягко легли на его могучие плечи. Сто раз он выжал их уверенно и ровно, будто это были не гири, а пучки соломы. Потом начал жонглировать — так ловко и точно, что любой цирковой артист позавидовал бы. Дальше пошёл основной комплекс: ритмично, без пауз, задействуя каждую мышцу, будто проверяя, на что ещё способно его тело. В конце, утомлённый, но не уставший, он окатил себя

холодной водой из деревянной кадучки — вода пахла деревом и тишиной. Убрал гири обратно под лавку и, довольный, вышел наружу.

За ужином они с женой весело болтали, шутили, строили планы. Будущее виделось необычно светлым и щедрым: в нём хватало места и на учёбу детей, и на новую баню, и со временем — на ремонт дома. Иваныч решил, что жене лучше уволиться с работы. Её зарплата едва дотягивала до прожиточного минимума, а быть дояркой, когда на всё стадо — один аппарат, да и тот вечно ломается, — тяжёлое и неблагодарное дело. Теперь его зарплаты хватит на всё.

— Надо завтра пораньше встать, — подытожил Иваныч. — Завтра Серёга должен зайти. Мы с ним пройдем медкомиссию. Мне ведь настоящее оружие выдадут, — с тихой гордостью пояснил он. — Только надо собрать все справки. Только...

— Что «только»? — заботливо спросила жена, заметив тень тревоги на его лице.

— Знаешь, — признался он, — терпеть не могу всех этих врачей. Давно не проходил комиссий. А этот больничный запах... Честное слово, он мне совсем не по нутру.

— Ну и что, — успокоила она. — Не каждый же день тебе по больницам ходить. Один день потерпишь.

— И то верно, — согласился он. — Ладно, пошли спать.

Глава вторая

Как томительно длинна ночь, когда каждая минута тянется, будто расплавленная карамель. Иванычу казалось, что в этой крошечной темноте он прожил уже не один час, а на деле минуло всего десять минут. Сегодняшние новости и мысли о том, что ждёт впереди, кружились в голове вихрем — сон никак не шёл. Жена давно спала, тихо и ровно дыша, а он лежал, прислушиваясь к тишине, и всё твердил себе: надо заснуть, выспаться, встать пораньше. Но чем упорнее он об этом думал, тем дальше убегал сон.

Досчитав до немислимо большого числа, Иваныч бросил эту затею: счёт только распалал сознание. Не сработал даже безотказный способ, которому когда-то научил отец: представить себя часовым на ответственном посту, который из всех сил борется со сном, чтобы тот поскорее пришёл. И это не помогло. Вконец отчаявшись, он встал и вышел во двор.

Ночь стояла удивительная. Полная луна висела в зените и заливала всё вокруг серебристым светом — таким ярким, что плёнка на парниках слепила глаза, привыкшие к домашнему мраку. Каждая травинка, каждый листочек на картофельном поле, каждая остроконечная стрелка лука были видны так же отчётливо, как днём, только будто ещё чётче, выразительнее, словно сама природа поднесла их поближе, чтобы рассмотреть. Воздух был прозрачным и тёплым, густо наполненным тишиной — такой оглушительной, что в ней слышался едва уловимый шёпот листвы. И что удивительно — ни единого комара. Такая ночь словно создана для размышлений о чём-то большом и важном. Огромное небо, усыпанное миллиардами звёзд, будто звало прикоснуться к чему-то великому — к тому, что можно видеть, но нельзя познать.

Иваныч постоял на крыльце, потом присел на скамейку возле стены веранды. Запрокинув голову, он, как в далёком детстве, не отрываясь смотрел на звёздный серпантин. Фантазия привычно потянула его туда, к свету Млечного Пути, пробуждая тот самый ропот перед неизвестным. Но волна чувств отхлынула так же внезапно, как и нахлынула: он давно повзрослел. Поэтическая восторженность юности, как огарок свечи, давно потухла, оставив лишь лёгкий дымок воспоминаний. Теперь его мысли занимали заботы о завтрашнем дне и о том, как заработать на хлеб.

Постепенно в душу стали вползать сомнения — те самые, что он столько дней гнал прочь, не давая им разрастись. Сомнения — хитрая, скользкая вещь: на любое «да» у них найдётся несколько «нет», на каждый железный довод — свой неопровержимый аргумент. И так велик соблазн прислушаться к ним, а избавиться потом не проще, чем от хронической боли. Стоит только впустить их, позволить стать советчиком — и они смажут любое решение, затянут в лабиринт страхов и колебаний, сковывая решимость. А решимость ему сейчас была особенно нужна: перед нанимателем надо держаться твёрдо, уверенно. Начальство любит тех, кто не теряет, кто за словом в карман не лезет. Но Иваныч знал: жизнь — такой режиссёр, что любой заранее придуманный сценарий непременно извратит.

Он сам удивлялся, какой только бред не лезет в голову бессонной ночью. Встав со скамьи, Иваныч прошёл вдоль дома на задний двор. Отсюда открывалось большое поле, не стеснённое забором, засеянное картофелем. Картофель цвёл, и в лунном свете бугристые листья и соцветия казались забрызганными серебряной краской, будто отполированной сталью, которая мерцала и подрагивала от лёгкого ветерка. Воздух здесь был свежее, гуще, напоённый запахом земли и трав.

«А вдруг ничего не выйдет?» — снова шевельнулась мысль. Долгие месяцы ожидания, и всё пойдёт не так, как задумано. Нужно держаться строго и уверенно — и на медкомиссии, и перед нанимателем. Хотелось бы просто отдохнуть, набраться сил, а тут эта бессонница. При этом усталости он совсем не чувствовал — напротив, внутри будто искрила непрощенная энергия, требуя выхода.

«Надо устать, — рассудил он. — А для этого надо чем-то заняться». Но чем заняться ночью, чтобы утомить себя? Читать? При таком лунном свете можно, но в доме все спят, а чтобы найти книгу, придётся кого-то разбудить. Нет, пусть спят, счастливики. Оставалось только одно: утомить себя физически, выплеснуть эту энергию, разрядить, как аккумулятор. Но что сделать, чтобы по-настоящему устать?

Иваныч бродил вдоль гряд, размышляя, и сам не заметил, как оказался на середине поля. Оглянувшись, он удивился: как он сюда попал? Видимо, машинально вошёл в это лунное озеро света и брёл, не разбирая дороги. Странно, когда оказываешься на середине открытого пространства: будто теряешь опору и вот-вот упадёшь. У Иваныча даже дух захватило — поле и правда казалось озером, залитым призрачным светом: шагни — и окажешься с головой в леденящей, отливающей ртутью воде. Широко расставив руки, он осторожно выбирался, перешагивая через кусты: ночью все предметы выглядят иначе, легко оступиться.

Проходя мимо одиноко стоящей бани, он вдруг понял, чем можно себя вымотать, чтобы все докучные мысли наконец отстали.

Сказки бабки про «банника» — злого духа-старичка, что живёт в бане и не любит ночных гостей, — он считал сущей чепухой. Но всё же, переступая порог, Иваныч ощутил в душе лёгкую опаску. В памяти сами собой всплывали деревенские рассказы: мол, те, кто заходит в баню после полуночи, порой не возвращаются. Да и недавний случай с односельчанином не шёл из головы: мужчину нашли мёртвым в бане, головой в топке. Правда, тот был сильно пьян и накануне крепко поссорился с женой. Кто там ему «помог» — мифический банник или обиженная супруга, — так и осталось загадкой. А ещё Иваныч как-то заметил на сухих досках мокрый след, в точности как человеческая ступня, только размером не больше четырёх сантиметров. После таких историй даже обычная баня начинает казаться местом беспокойным.

Но Иваныч рассмеялся над этими страшилками и над собственной мнительностью — и решительно переступил высокий порог. И тут же остолбенел. В просвете окна сидело нечто: пушистый меховой шар с большими светящимися глазами и крошечными рожками на макушке. Существо смотрело немигающим взглядом, и у Иваныча всё внутри оборвалось, будто тело в одно мгновение потеряло всякую форму от страха.

Существо спрыгнуло с подоконника, в два прыжка очутилось у его ног и, взметнувшись, стало карабкаться по одежде. Иваныч, уже готовый проститься с жизнью, попятился назад и упёрся спиной в настенный выключатель. Вспыхнул яркий свет, на мгновение ослепив его.

— Ах ты, серый чёрт! — облегчённо выдохнул Иваныч, держа на руках соседского кота Василия, который привык, что его все гладят и кормят. — Что за привычка прыгать на всех? Из-за тебя чуть с Гавриилом не повстречался!

Он сел на скамеечку, гладил кота и смеялся над своим испугом. Потом достал свой любимый спортивный инвентарь и принялся за привычные упражнения. Делал их снова и снова, пока не измотал себя до такой степени, что, добравшись до спальни, буквально рухнул на кровать и тут же провалился в глубокий, без сновидений, сон.

Глава третья

— Пора вставать, соня, — сквозь вязкий, никак не желающий отпускать сон услышал Иваныч голос жены.

— Сколько времени? — побурчал он, не открывая глаз. Веки будто налились свинцом — и это у человека, который ворочает брёвна и поднимает тяжёлые гири.

— Без пяти семь.

— Ещё пять минут, — пообещал он неизвестно кому и натянул одеяло до самого носа.

За завтраком, чтобы стряхнуть остатки сна, Иваныч позволил себе две чашки крепкого кофе. Потом умылся, быстро оделся и вышел к калитке, где его уже ждал приятель — тот самый, благодаря которому и забрезжила надежда на новую работу.

Посёлок просыпался по-утреннему шумно и по-своему уютно. Лаяли собаки, провожая хозяев на работу; надрывались петухи, устраивая перекличку над крышами. Где-то на железнодорожной станции что-то грузили: слышался грохот и скрежет металла. Вдалеке взревел одноцилиндровый двигатель мотоцикла — его воинственный рёв перекрыл все звуки, а потом постепенно стих и растворился в утренней тишине.

Лучи восходящего солнца рассекали высокие деревья и дома, беспорядочно выстроившиеся вдоль жёлтой грунтовой дороги, на две неравные части: верхнюю — яркую, отливающую золотом, и нижнюю — тёмную, почти чёрную. Казалось, ночь ещё цеплялась за подножия домов, обволакивая их густой смолистой тенью. Кое-где туман оставил свои истрёпанные клочья — они серовато растушёвывали даль дороги, делая отдалённые предметы мутными и невесомыми. Но туман уже обессилел и оседал тяжёлой росой, сгибавшей травы. Нескошенная трава была настолько влажной, что края брюк Иваныча очень скоро промокли.

В воздухе стояла бодрящая прохлада — та самая, что заставляет слегка озябнуть человека, вышедшего из домашнего тепла. Приятели быстро зашагали вперёд, будто сговорившись согреться на ходу. В этой утренней свежести была своя неуловимая услада: слепни, сводившие с ума весь день, ещё не появились, а комары, ночные мучители, уже пропали. Да и голова, отдохнувшая за ночь, будто освободилась от всей дневной суеты — мысли текли лениво, не требуя немедленного осмысления.

Они шли почти молча, и только спустя полкилометра Сергей, приятель Иваныча, принялся рассказывать забавный случай, который недавно приключился с ним в лесу, когда они гнали зверя для охоты хозяина. Иваныч слушал невнимательно: на душе было тревожно. Медкомиссия, врачи — всё это с детства внушало ему необъяснимый страх. Он поддакивал и кивал, делая вид, что вникает в каждое слово, и смеялся лишь потому, что смеялся сам Сергей.

По пути встретился старичок, который набирал воду у колонки в алюминиевую флягу. Завязался тот самый обычный разговор ни о чём, какой бывает при случайных встречах: спрашивали о здоровье, о жизни, о детях — и тут же забывали, о чём спрашивали. Иваныч помог старичку поставить полную флягу на железную тележку и снова услышал похвалу своей силе — похвалу, которая ему давно уже надоела.

— А это — хорошая примета, — заметил Сергей, когда они пошли дальше, оставив старичка позади. Он был в весёлом расположении духа и любую фразу заканчивал коротким смешком.

— Какая? — удивился Иваныч.

— Мужик с полным бидоном, а не баба с пустым ведром, — пояснил Сергей.

— Да ну, — отмахнулся Иваныч. — Он каждый день в это время воду набирает.

— Нет, ты не понимаешь. Во всём есть своя особенная примета, годная к определённому случаю... — и Сергей принялся скрупулёзно излагать свою философию народных примет, щедро приправленную иронией и бородатыми анекдотами. Он умел быть красноречивым

и, что немаловажно, интересным. Такие люди никогда не унывают и легко находят общий язык с кем угодно: будто их интересы удивительным образом совпадают с твоими, будто они во всём разбираются, готовы дать дельный совет и искренне сопереживать любой неудаче. Всюду, куда бы ни пришёл такой человек, он сразу становился душой компании, и казалось, что именно он — центральная фигура, вокруг которой всё и крутится. Именно таким был приятель Иваныча.

— Ты на праздник пойдёшь? — спросил Сергей.

— Когда?

— В это воскресенье.

— Пойду, наверное, — пожал могучими плечами Иваныч.

— В этом году снова устроят соревнование по поднятию гири. Только... — он сделал загадочное лицо и выдержал паузу, — только сказали, если Иваныч придёт, придётся не проводить соревнование.

— Что так? — удивился Иваныч.

— Сам посуди. Какой смысл их проводить, если ты придёшь? Проще отдать приз тебе сразу — всё одно ведь победишь. — Друзья рассмеялись.

Поликлиника встретила Иваныча знакомым, ни с чем не спутываемым запахом хлора и медикаментов. Несмотря на ранний час, народу было много, и у каждого кабинета тянулась очередь. Выстояв одну, приходилось занимать следующую, а за ней — ещё и ещё. Чтобы пройти всех врачей, требовалось стоическое терпение, а когда начинал думать, что все эти мучения нужны лишь для того, чтобы прочесть на стене буквы, закрыв правый глаз, и тут же выйти, терпение грозило лопнуть, как волдырь на пятке.

Иваныч, окончательно растерявшийся в бесконечных очередях, невольно стал слушателем десятков советов: как испечь пироги, как вывести пятна с простыней, как избавиться от зуда там, где в общественном месте чесать не стоит, даже как поменять пол — то есть как заменить подгнившие лаги, не поднимая досок. Советов по народной медицине хватило бы на небольшую энциклопедию. А ещё, слушая нескончаемые рассказы о болезнях и безнадёжности их лечения, Иваныч вдруг стал замечать у себя то один, то другой симптом, похожий на те, о которых говорили в очереди. От всего этого голова шла кругом. Каждый раз, когда подходила его очередь заходить в кабинет, он покрывался обильным потом, а выходя, облегчённо выдыхал. Переходя от одного врача к другому, они с Сергеем ненадолго встречались в коридоре, обменивались одним и тем же вопросом: «Ну, как? Прошёл?» — и снова терялись в толпе.

— Что-то я вас раньше не видел, молодой человек? — растягивая слова и оглядев поверх очков в роговой оправе Иваныча с ног до головы, произнёс щупленький терапевт. Доктору нельзя было дать много лет, и, видимо, поэтому вместо обычного «здравствуйте» он поспешил добавить «молодой человек», чтобы выглядеть солиднее. Его явно поразила внушительная фигура пациента, но он напустил на себя важный вид, нахмурился и сделался предельно деловитым.

Взяв в руки медицинскую карту Иваныча — тоненькую, всего в пару листочков, которую он открыл по указанию врачей всего пару часов назад, — терапевт с упрёком выдохнул:

— Если вы переехали из другого места жительства к нам в район, то необходимо было взять медицинскую карточку в той поликлинике, где были раньше закреплены, и встать на учёт у нас. А не открывать новую. Ведь у нас вашей истории болезни нет... Так не делается, молодой человек. Откуда вы переехали? Мы должны дать запрос в вашу районную поликлинику, чтобы они осуществили перевод медкарты.

Витиеватость монолога напугала Иваныча, и без того зажатого при виде этого маленького, но грозного доктора. Из всей речи он толком ничего не понял, кроме странного вопроса. Почему это он должен откуда-то переезжать, когда он тут родился и вырос? Он так и сказал терапевту.

— Как так? — удивился терапевт, приподняв очки и пристально взглянув на пациента. — А почему же, позвольте полюбопытствовать, вы не состоите на учёте?

— Как не состою? — вздрогнул Иваныч, будто его уличили в чём-то нехорошем, и зачистил: — То есть не состою, но состоял — в детстве, когда в школе учился. Вы там у себя порой-тес, наверняка отыщете...

— Ах, да-да, — рассеянно произнёс эскулап. — Наверное, это было ещё в старой больнице. — Иваныч кивнул. — Архивы, архивы... Знаете, архивы такая же непостоянная штука, как и половая жизнь в нашем с вами возрасте.

Врач залился смехом, а Иваныч, не поняв шутки, всё же добродушно улыбнулся.

— Итак, что же нам с вами делать? — терапевт снова напустил на себя суровый и почтенный вид профессионала. — Придётся осмотреть и вынести вердикт, ну то бишь заключение. — Он явно наслаждался собственным юмором и не замечал, что собеседник не разделяет его веселья.

А Иванычу было совсем не до шуток. Его лихорадило от одной мысли, что такой умнейший человек будет его осматривать и, не дай бог, найдёт что-то серьёзное. Он побледнел и изменился в лице, когда терапевт приказал раздеться до пояса. Доктор сел напротив него и принялся простукивать и прощупывать напряжённое тело Иваныча. Каждый раз, когда к его разгорячённой коже прикасалась ледяная «блямба» фонендоскопа, Иваныч вздрагивал. Терапевт сопровождал каждое действие неодобрительным покачиванием головы и тяжёлым вздохом, не сулившим ничего доброго. По спине у Иваныча бегали мурашки, лоб покрылся испариной, а по телу пробежал холодок. Ему хотелось вскочить и выбежать из кабинета прочь, подальше от этого маленького страшного человечка.

— Не нравится мне всё это, — заключил терапевт.

Внутри у Иваныча всё оборвалось.

Доктор достал тонометр и подверг плечо Иваныча попытке сдавливанием.

— Давно страдаете гипертонией?

— Недавно... то есть никогда... вообще нет, — сбивчиво ответил перепуганный пациент.

— Как нет? Когда налицо все признаки: у вас давление такое, будто вы сюда долго-долго бежали. А пульс... мало того, что он зашкаливает, так он ещё и с нарушенной частотой и последовательностью сердечных сокращений. Явная аритмия.

— Не может быть, доктор, — удручённо выдохнул Иваныч.

— Ещё как может быть, — задорно подхватил тот. — Мы ещё кардиограмму посмотрим. Вот вам направление, — он что-то написал на листке и передал Иванычу. — Сходите в кабинет ЭКГ, снимите электрокардиограмму и возвращайтесь ко мне. Знаете, — добавил он задумчиво, когда Иваныч уже собирался выйти, — я тут вот осмотрел вас и... просто уверен, что у вас увеличен сердечный желудочек.

В кабинете ЭКГ пожилая, низкорослая женщина, которую кто-то называл старшей медсестрой, была неприветлива и сердита. Иваныч никак не мог уместиться на кушетке, и каждый раз в самый неподходящий момент, когда она нажимала на кнопку аппарата, он касался стены.

— Я уже второй рулон порчу из-за вас, — жаловалась она. — Можете лежать смиренно?

— Я стараюсь, — стыдливо отвечал он.

Тут вбежала медсестра средних лет и, не заметив Иваныча на кушетке — хотя не заметить такого богатыря было не просто, — стала переодеваться. В это время старшая сестра упорно изучала получившуюся ленту с сердечным «автографом». Когда первая заметила вторую, та мгновенно устыдилась, завизжала, прикрылась больничным халатом и обвинила Иваныча в разврате. Всё это окончательно выбило Иваныча из колеи, и он в сердцах проклял и этот день, и поликлинику, и всех врачей вместе взятых.

— Так, пробуем в последний раз, — сказала старшая медсестра и нажала кнопку на аппарате. — Ну, вот, другое дело, — было видно, что она осталась довольна результатом.

Иваныч поднялся и хотел забрать ленту, но она, важно отвернувшись, заявила, что ей нужно кое-что заполнить. Ждать пришлось долго: прибежали молоденькие медсестры, принесли документы, и все вместе углубились в них.

— Вот, ваша электрокардиограмма, — наконец произнесла старшая сестра, протягивая Иванычу бумажную ленту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.